

Матушка из покоев Вдовствующей Императрицы принесла деревянный ларец, настояв на том, чтобы Шу Шиюнь открыл его лично. Сичжао не понимала, в чем дело, но, когда Шу Шиюнь, пребывая в таком же недоумении, откинул крышку, он пожалел об этом так сильно, что готов был кусать локти.

Внутри лежали свитки с портретами знатных юношей Шэнцзина, а к каждому прилагалось подробное описание их происхождения и нрава.

Матушка, не обращая внимания на то, как побледнело лицо Шу Шиюня, принялась разворачивать свитки:

— Это законный сын генерала левого крыла. Черты лица утонченные, талантами одарен, говорят, воспитан безупречно — лучшей кандидатуры на роль Чжэнцзюня не сыскать.

— А это младший сын великого наставника Лю. В их семье шестеро братьев, и у пятерых старших уже по трое детей. Полагаю, он весьма плодovit и непременно сможет принести Ван Аньняня потомство.

— А этот — новый второй призер императорского экзамена. Семья не самая знатная, зато он скромн, учтив и благороден...

Она выпалила описание десятка кандидатов и уже потянулась за следующим свитком, но Сичжао с улыбкой прервала ее:

— Матушка Сунь, наш Чжэнцзюнь сейчас в положении, чувствует себя неважно. Вы только посмотрите, сколько еще портретов осталось — не лучше ли отложить это дело на другой день?

— Что за речи? — Матушка косо взглянула на нее, а затем перевела взгляд на Шу Шиюня, который отвернулся и смотрел в сторону кровати. Она язвительно усмехнулась: — Не то что троих или пятерых, даже если Ван Аньняня пожелает забрать всех, кто здесь изображен, они сами прибегут, умоляя принять их! Ты думаешь, если сегодня не выберешь, они не смогут войти в этот дом?

— Даже если выбирать, это должен делать сам ван. Мой господин терпеть не может, когда кто-то своевольно решает что-то за него, — Сичжао повысила голос. — К тому же Чжэнцзюнь сейчас крайне истощен. Если из-за этого с маленьким наследным принцем что-то случится и ван придет в ярость, кто будет нести ответственность: вы или Вдовствующая Императрица?

Матушка Сунь испугалась ее слов. Будучи женщиной, повидавшей на своем веку немало бурь, она знала, насколько холоден и безжалостен ван. Если она в самом деле разгневает его, он вряд ли станет трогать Вдовствующую Императрицу, а вот с ней, ничтожной служанкой, расправится без колебаний.

Ходили слухи, что пытки, которым подвергали заключенных в армии, были в сотни раз страшнее дворцовых. Людей истязали так, что они молили о смерти, но их насильно поддерживали в сознании с помощью лекарств. Стоило человеку пережить хоть одну такую пытку, как он, даже если выживал, до конца своих дней оставался безумцем. От одних этих рассказов кровь стыла в жилах.

Поняв это, матушка Сунь покрылась холодным потом. Она поспешно оставила свитки, попросила Чжэнцзюня выбрать подходящую кандидатуру, когда будет удобно, и поспешила ретироваться.

Сичжао медленно собрала свитки и хотела было бросить их в жаровню, чтобы сжечь, но Шу Шиюнь остановил ее.

Он дважды кашлянул, повернул голову и посмотрел в окно, где бушевала метель. На его губах заиграла едва заметная, легкая улыбка.

— Разве этот день не должен был рано или поздно настать? — тихо произнес он.

Сичжао открыла рот, но не нашла слов. В такой момент любое утешение казалось бледным и бессильным.

Да, они оба знали, что, когда Хэ Цинцы вернется с победой, этот день станет неизбежным.

Ван Аньнана был единственным удельным князем среди нынешних принцев. Его положение при дворе уступало лишь императорскому, и даже Канцлер Чжао при встрече с ним был обязан почтительно совершать земные поклоны. Обладая тридцатитысячной отборной армией и властвуя над бескрайними просторами Южных земель, он был не только высокопоставленным правителем, но и непревзойденным богом войны Великой Ян.

Даже если не брать в расчет власть и статус, одной своей внешности Вану было достаточно, чтобы лишить любого рассудка. Хэ Цинцы на семь частей походил на Покойную Императрицу — первую красавицу Поднебесной, чья ослепительная внешность даже после того, как ее сослали в холодный дворец, вызывала у тогдашней наложницы Чжао лишь жгучую зависть.

Черты лица Хэ Цинцы были изящны, как на картине, но при этом более глубокие и мужественные, чем у Покойной Императрицы. Он был невероятно хорош собой. Высокий и статный, облаченный в доспехи, он казался грозным львом, скачущим по степям, излучая врожденное величие и гордость человека, готового покорить весь мир. А стоило ему снять доспехи и облачиться в обычные одежды, как в его облике проступала холодная отстраненность, словно он не принадлежал миру смертных. Каждое его движение было исполнено элегантности и благородства, но не теряло властной силы, делая его похожим на небожителя, внушающего трепет одним своим видом.

Разве мог такой человек не стать объектом борьбы, за который люди готовы были рвать друг

другу глотки?

<http://bllate.org/book/19189/1884659>